

ОКСАНА ЗАХАРОВА
доктор исторических наук,
профессор

ИСТОРИЯ БАЛОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Оксана Юрьевна Захарова
История балов
императорской России.
Увлекательное путешествие

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2976075
История балов императорской России. Увлекательное
путешествие. – : Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-07184-2

Аннотация

Автор, на основании исторических источников, рассказывает о возникновении и развитии русского бала, истории танца и костюма, символике жеста, оформлении балльных залов. По-своему уникальна опубликованная в книге хрестоматия. Читателю впервые предоставляется возможность вместе с героями Пушкина, Данилевского, Загоскина, Лермонтова, Ростопчиной, Баратынского, Бунина, Куприна, Гоголя и др. побывать на балах XVIII—XX столетий.

Это исследование во многом носит и прикладной характер. Впервые опубликованные фигуры котильона позволяют воспроизвести этот танец на современных балах.

Содержание

История балов императорской России	5
Введение	5
История бального церемониала в России	15
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Оксана Юрьевна Захарова
История балов
императорской России.
Увлекательное путешествие

© Захарова О. Ю., 2016

© «Центрполиграф», 2016

История балов императорской России

*Книга посвящается светлой памяти моей мамы
Марии Васильевны Захаровой*

Введение

Чем больше потрясений происходит в политической жизни государства, тем резче изменения в формах и бытовых

условиях жизни и тем дальше отодвигаются от современных поколений прошедшие эпохи. «Современное общество легко и развязно отрекается от недавних еще законов жизни, с презрением и насмешкой машет рукой на прежний бытовой уклад и умышленно разрывает всякую связь с родным прошлым» – эти слова Е. Н. Опочинина, опубликованные на страницах печати в 1909 году, удивительным образом созвучны сегодняшнему времени. Между тем, чтобы «осмотрительнее и вернее идти вперед, хорошо иногда припоминать, откуда идешь».

Культура любого общества многослойна, и русская культура всегда существовала не только как единое целое. Каждое сословие имело свои права и обязанности, свою грамматику поведения, свой язык, свой кодекс нравственных правил.

В российской истории различия в культурной жизни сословий особенно ярко проявляются с конца XVII столетия. «Петру, – писал академик Д. С. Лихачев, – бесспорно принадлежит смена всей «знаковой системы» Древней Руси. Он передел армию, передел народ, сменил столицу, перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский, он демонстративно нарушил прежние представления о «благочестивейшем» царе и степенном укладе царского двора». Хорошо между тем известно, что среди отечественных историков принята как идеализация, так и очернительство Петровской и последующих эпох. Как отмечал Ю. М. Лот-

ман: «XVIII – начало XIX века – это семейный альбом нашей сегодняшней культуры, ее «домашний архив», ее «близкое-далекое». В создании своеобразного «архива» российской культуры этого периода доминирующая роль принадлежит дворянскому сословию. Долгое время существовало негативное отношение ко всему, к чему приложен эпитет «дворянский». Между тем это жизнь среды, к которой принадлежат А. В. Суворов, К. И. Брюллов, П. А. Столыпин, П. И. Чайковский, М. П. Лазарев и многие другие имена, прославившие Россию на весь мир. Чтобы освоить и понять духовное наследие прошлого, необходимо хорошо знать различные грани жизни тех, кто создавал это наследие. События совершаются людьми, а люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи, руководствуясь определенными нравственными правилами.

Передовому российскому дворянству была присуща следующая система взглядов: монархическая власть незыблема; дворяне – посредники между верховной властью и народом; любые реформы не должны нарушать целостную систему государства, его реальные потребности. Какими бы ни были личные воззрения современников на действия властей, истинный патриот должен служить Отечеству на любом поприще. Честное выполнение обязанностей, возложенных императором, – основа жизненной позиции. Успехи в карьере – своеобразная оценка принесенной пользы за время службы. Но ключевое понятие мироощущения – честь, нравственная

ответственность перед памятью предков и последующими поколениями. Эти принципы закладывались в основу системы воспитания в большинстве дворянских семей.

В России не было парламентской или иного вида полемики, в которой высказывали свои взгляды представители различных общественных групп. Узнать о том, что происходило в стране, о настроениях в обществе и при дворе можно было только в столичных салонах и гостиных, на приемах, танцевальных вечерах и балах, где собирался высший свет Петербурга и Москвы.

Видный военный деятель России Н. А. Епанчин считал, что жизнь в светском обществе – это «... жизненная школа, которую следует так же пройти, как и школу семьи и учебную школу».

Как вспоминал князь С. Е. Трубецкой, для его отца, философа князя Е. Н. Трубецкого, светское времяпрепровождение было настоящим страданием. Евгений Николаевич любил заниматься наукой в своем кабинете, слушать музыку и проводить время в тесном семейном кругу. «Однако горячий патриотизм и высокое чувство ответственности постоянно толкало его на путь общественного служения, к которому, по существу, у Папá было мало вкуса, но тут он не щадил ни сил, ни времени».

Светские ритуалы, к числу которых относятся и балы, и танцевальные вечера, были своеобразным актом общественного представительства дворянина. К тому же для молодого

поколения бал – это место, где, по словам П. А. Вяземского, «... мы учились любезничать, влюбляться, пользоваться правами и вместе с тем покоряться обязанностям общежития. Тут учились мы и чинопочитанию и почитанию старости».

Бальный ритуал сравним с законченной по смыслу художественной фразой. Грамматика бала, как и других светских ритуалов, составлялась при дворе императора.

Особые правила, регламентирующие жизнь двора, начали складываться еще в Древнем Риме, в период укрепления императорской власти. Византийский император Константин ввел титулы, которые были обязательны при обращении к знатым лицам. Каждый придворный участвовал в церемониях, выполняя строго определенные функции.

В Средние века сформировался новый социальный институт двора. Двор – это сообщество людей, зависящих от могущественной особы. Главной функцией двора являлось поддержание престижа монарха. Каждый придворный обязан был помнить, что его поведение – от манеры держаться и говорить до способа выезжать из дому – должно соответствовать его положению в обществе.

Следует выделить интересное воспоминание графа А. Р. Воронцова, что императрица Елизавета Петровна разрешала бывать детям при дворе в приемные дни. Это давало им возможность с ранних лет незаметным образом познавать школу политики. К тому же будущий государственный деятель

должен уметь свободно и достойно держать себя в обществе, иметь хорошие манеры, а эти качества закладываются уже в детстве.

Фрейлина высочайшего двора, дочь великого русского поэта Ф. И. Тютчева – А. Ф. Тютчева, отмечала в своих воспоминаниях, что во время воскресной службы, находясь в храме, маленькие члены императорского дома, младшему из которых не было еще трех лет, стояли молча и неподвижно в течение всей длинной воскресной службы. «Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали». Благородное поведение – признак благородной души и просвещенного ума.

Общение – форма творчества. Помимо языка звуков существует язык взгляда, жеста, покроя костюма. Манеры – внешняя оболочка внутренней природы человека. «В манерах отражаются добродетели», – говорил Сидней Смит.

Придворный этикет строжайшим образом регламентировал дворцовую жизнь. Заранее было установлено, кто сопровождает монарха, как проходят высочайшие выходы, церемонии аудиенций, балов, обедов. Он же приобщал людей к определенной социальной группе, выражал содержание принципов нравственности и с течением времени ста-

новился ритуалом, состоящим из сложной системы детально разработанных правил учтивости.

Просветители XVIII столетия рассматривали придворный этикет как средство власти. Не случайно в период Великой французской революции беспощадно искоренялись старые нормы взаимоотношений. Так, к примеру, в письмах следовало писать не «ваш покорный раб, слуга» и т. п., а «ваш согражданин, брат, друг, товарищ» и т. п. Вместо обращения на «вы» декретом от 8 ноября 1793 года было введено обращение на «ты». Депутат Шалье внес в Конвент проект постановления о республиканских формах вежливости, одежде, обычаях. «Республиканская вежливость, – говорилось в проекте, – вежливость самой природы». Этим она противопоставлялась изысканной вежливости аристократии, учтивость и элегантность которых «культивировались тиранами для того, чтобы импонировать и властвовать».

Как справедливо отмечают в своем исследовании «У истоков этикета» А. К. Байбурин и А. А. Топорков: «Наказание за несоблюдение правил этикета имеет индивидуальный характер и может последовать незамедлительно; невыполнение же ритуальных предписаний должно сказаться на будущем благополучии всего коллектива».

В пушкинском «Романе в письмах» Владимир пишет другу: «Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не сни-

мая шпаг, – нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это все переменилось. Французский кадрили заменил Адама Смита, всякий волочится и веселится как умеет. Я следую духу времени; но ты неподвижен, ты *ci-devant, un homme*¹ стереотип. Охота тебе сиднем сидеть одному на скамеечке оппозиционной стороны».

У деятелей тайной организации декабристов Союз благоденствия «витийство на балах» входило в установку общества. В конце 1840-х годов Петрашевский бывал в Дворянском собрании и клубах, на маскарадах «... с единственной целью заводить знакомства для узнания и выбора людей».

В начале XX столетия революционно настроенные студенты, посещая балы, не участвовали в танцах, тем самым противопоставляя себя приглашенным офицерам. Отказ от участия в танцах, экстравагантный костюм, вызывающие манеры были знаковым символом оппозиции XIX – начала XX века.

Ритуальное поведение, в отличие от бытового, требует использования специальных приемов для поддержания статуса партнеров по общению. В ритуале существует главенствующая система принципов. Это явление в жизни общества, преследующее преимущественно символические цели. Ритуал подчеркивал силу и величие династии, вековые устои правящего дома, каждый член которого обязан был помнить,

¹ Бывший, человек (*фр.*).

что «люди с властью и с богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство»².

² Слова принадлежат генерал-фельдмаршалу светлейшему князю М. С. Воронцову.

История бального церемониала в России

История бального церемониала берет начало в древности. Любопытные сведения о первых балах содержатся в «Танцевальном словаре...» 1790 года. В частности, там говорится, что Сократ был удостоен похвалы философов последующих поколений за то, что танцевал на балах с «Афинскою церемониею». В то же время Платон заслужил их порицание, отказавшись танцевать на балу, «который давал Сиракуский король». Строгий Катон, подобно господину Журдену, счел за долг «предаться достойным посмеяния наставлениям Римского танцмейстера».

В начале XI века упоминания о балах встречаются в описаниях французских турниров. В XII–XIII веках особой изысканностью отличалась придворная жизнь Лотарингии и Тюрингии. Быстро распространяясь по Франции и Германии, они стали любимым развлечением европейских стран, длительное время сохраняя элитарный характер.

Балы подразделялись на простые, маскарадные и публичные. Простой бал – «простая пляска, требующая немногих шагов и приятств, приобретенных добрым воспитанием, составляет всю цель этих спектаклей. В торжественных случаях удобное прибежище для людей без воображения».

На публичных балах не было, как ныне, «много великоле-

пия без искусства, великих пышностей без замысла и расточительности без увеселения».

Во время балов хозяева развлекали приглашенных театральными представлениями, носившими зачастую политический, агитационный характер. Одним из таких представлений в 1454 году был «Пир фазана», в песнях и диалогах которого прославлялись христианская церковь, рыцарская добродетель, доказывалась необходимость Крестовых походов.

Средневековые рыцарские турниры заканчивались балами, на которых исполнялись танцы-шествия. Собравшиеся на пир проходили перед хозяином, демонстрируя себя и свои костюмы. Во время танца с факелами в первой паре шествовал рыцарь-победитель турнира, эта пара вела колонну, выбирая фигуры и направляя движение танцующих.

На бальном церемониале каждый должен был продемонстрировать владение определенным комплексом сословных норм. На балах Людовика XIV придворный этикет соблюдался особо строго. Для короля Франции дела государственные превыше всего, но при этом Людовик XIV не стремился превратить двор в подобие ханжеского сообщества, демонстрирующего свое презрение к развлечениям. Приемы Людовика XIV были не только изысканны и роскошны, но и прекрасно организованы. Людовик XIV был горячим приверженцем придворного церемониала, составленного при Генрихе III.

Основные правила проведения бального церемониала

XVII века были следующие: на большом королевском бале могли присутствовать только принцы и принцессы крови, герцоги, герцогини, пэры, придворные дамы и кавалеры; придворным не полагалось сидеть в присутствии его величества, кавалеры размещались за дамами; король открывал бал с королевой или с первой принцессой крови. После поклонов король и королева начинали танцевать бранль, которым открывались придворные балы времен Людовика XIV. Исполнив свой куплет, король и королева становились сзади выстроившихся пар, каждая из которых танцевала бранль по очереди. И так происходило до тех пор, пока их величества вновь не становились первыми.

Затем исполнялись гавот и менуэт. По окончании менуэта король садился. Отвесив низкий поклон королю, принц подходил к королеве или к первой принцессе и приглашал танцевать с ним менуэт.

После этого королева приглашала другого кавалера, которому по окончании танца указывала его новую партнершу. После менуэта кавалер с поклоном оставлял свою даму и садился. Дама приглашала другого кавалера, и так продолжалось до завершения бала. Если партнер отказывался танцевать один раз, ему не следовало танцевать в продолжение всего бала.

Его величество мог изменить порядок танцев, о чем сообщал танцующим через камер-юнкера. Подобную церемонию следовало соблюдать на публичных и частных балах то-

го времени.

Чем более высокое положение занимает человек в обществе, тем совершеннее должны быть его речь, манеры, внешний облик. При этом король вне конкуренции, ему нет равных.

Танец – высшая форма движения; значит, король обязан танцевать лучше всех. Именно таким был Людовик XIV, поражавший современников великолепной осанкой и красотой жестов. Он – не только выдающийся государственный деятель, это личность, наделенная незаурядными творческими способностями.

Любимым музыкальным инструментом короля была гитара. Предание гласит, что кардинал Мазарини пригласил из Мантуи крупнейшего виртуоза своего времени Франческо Корбетту, чтобы преподавать Людовику искусство игры на гитаре. Спустя годы Корбетта посвятит своему ученику трактат «Королевская гитара». Увлечение короля гитарой было своеобразным вызовом его окружению. Только лютня считалась достойным инструментом для коронованных особ. В этом поступке угадываются черты будущего правления «короля-солнце»: независимость суждений и поступков и твердость в достижении цели. В тринадцать лет Людовик впервые появится на сцене в «Балете Кассандры» (музыка этого балета была утрачена в XIX веке). Впоследствии он станет одним из лучших танцоров своего времени.

О значении танца в глазах придворного XVII века можно

судить по «Мемуарам» кардинала Ришелье: граф Ларошфуко, став кардиналом, отказался ехать в составе посольства в Испанию, так как «был занят в балете, в котором очень хотел танцевать». Как справедливо отметил в своем исследовании Ф. Боссан, этот поступок немислим «вне той логики, где во всем великолепии и совершенстве являет себя взгляд, согласно которому преобразующие природу искусства более важны для человека, нежели посольство в Испанию».

Одним из важнейших политических решений начала правления Людовика XIV был декрет о создании Академии танца: «Поскольку искусство танца всегда было известно как одно из самых пристойных и самых необходимых для развития тела и поскольку ему отдано первое и наиболее естественное место среди всех видов упражнений, в том числе и упражнений с оружием, и, следовательно, это одно из самых предпочтительных и полезных Нашему дворянству и другим, кто имеет честь к Нам приближаться, не только во время войны в наших армиях, но также в наших развлечениях в дни мира...»

Своеобразная танцевальная сюита на балах Людовика XIV состояла обычно из следующих танцев: бранля, менуэта, куранты и сарабанды. Свое название бранль получил от французского слова *branler*, что означает «двигаться, шевелиться, колебаться». Во Франции его танцевали повсеместно, но в различных частях Французского королевства бранль исполняли по-разному, и даже название танца было различ-

ным: в Бретани – пасспье, в Оберне – бурре, в Провансе – гавот. В отличие от так называемого народного бранля на придворных балах бранль танцевали чинно, без темпераментных прыжков и непринужденных поворотов корпуса.

Куранту называли «танцем манеры», это торжественное шествие дам и кавалеров можно сравнить с плавным течением воды. Куранта – танец истинных рыцарей. Во время сложной куранты трое кавалеров приглашали трех дам. Получив их отказ, кавалеры уходили, но вскоре возвращались и становились перед дамами на колени.

Удивительна история сарабанды. На родине этого танца, в Испании, сарабанду исполняли только женщины под аккомпанемент кастаньет, гитары и пения. Причем Сервантес считал песни сарабанды непристойными. В 1630 году танец был запрещен Кастильским советом. Изгнанная с родины, сарабанда нашла пристанище на королевских балах, где исполнялась благородно и спокойно; танцем влюбленных называл сарабанду известный балетмейстер Карло Блазис.

Манера танца была очень важна. Резкие жесты, прыжки – это вульгарность, присущая простолюдинам. Сдержанность, спокойствие – признак благородного происхождения. Придворный танец не терпит суеты и беспорядочных движений.

Барокко – это контраст света и тени, реального и несбыточного, тяжелого и воздушного. Государственные и военные церемониалы этой эпохи призваны напоминать человеку о его высоком предназначении, подчинении «высшему

началу». Стиль придворной хореографии складывался постепенно. Родиной бальных танцев Возрождения и барокко могла быть Италия, Испания или другая страна. Но как церемониальные танцы они окончательно сформировались при дворе Людовика XIV, благодаря которому танцевальный мир заговорил по-французски. Власть диктует моду.

Рост популярности того или иного бального танца во многом зависел от социальных процессов. Великий Моцарт в сцене оперы «Дон Жуан» воспроизвел своеобразную социологию танца. Изысканный Оттавио с донной Анной танцуют менуэт, Дон Жуан с простодушной Церлиной – контраданс, тогда как его слуга Лепорелло с крестьянином Мазетто кружатся в вальсе.

В светском обществе было принято связывать внешний облик человека с его нравственными качествами. В этом отношении особое значение имели уроки танцев, «ибо как нравственная философия образует человека для благородных действий, так нравственные танцы приводят молодых людей к привлекательному общению».

В России первое упоминание о бальном церемониале мы встречаем в описаниях придворной жизни времен правления Лжедмитрия I. На свадебном пиру Лжедмитрия звучал оркестр Станислава Мнишека, что сообщало торжеству отпечаток европеизма. В заключение торжества царь предложил гостям потанцевать. Бал открыли С. Мнишек и князь Вишневецкий. За ними последовали и другие.

Придя к власти, Отрепьев стал высокомерен и заносчив. Уже само проведение самозванцем невиданных до этого при русском дворе церемониалов было вызовом обществу. Отрепьев не только не пощадил традиции русского боярства – на одном из балов он пришел в гнев от того, что польский посол посмел надеть шапку во время танца.

Царь объявил, что прикажет снять шапку вместе с головой у того, кто последует примеру посла. На том же балу после каждого танца гости были обязаны кланяться государю.

Падение Лжедмитрия не дало балам укорениться в русской культурной жизни. Они вернулись в придворную жизнь уже при Петре I. Петровская Россия была страной с иным стилем жизни господствующего класса. Бал – одна из первых новых форм общественного церемониала.

Москва зимы 1699 года – не самое лучшее место для начала российской истории бала. До самого конца февраля не будут убраны трупы повешенных и обезглавленных стрельцов (а их больше тысячи!). Город живет под впечатлением расправы над участниками стрелецкого бунта. А в Лефортовском дворце вечером 19 февраля 1699 года прощальная аудиенция бранденбургского посла завершалась пиром с участием женщин. Гости шумно веселились, танцевали, а из соседней комнаты, немного раздвинув пышные занавеси, на них смотрели восьмилетний царевич Алексей и сестра Петра Наталия Алексеевна. «Этот день, – сообщает в своем дневнике секретарь австрийского посольства Иоганн Корб, –

сильно ослабил суровость обычаев русских, которые не допускали доселе женский пол на общественные собрания и веселые пиршества; теперь же некоторым было позволено принять участие не только в пиршестве, но и в последовавших затем танцах».

Действительно, на Руси XVII века даже на свадьбах мужчины и женщины сидели в разных комнатах. Женщины не имели права вступать в мужские беседы и без разрешения мужа показываться на людях (разве что в церкви). В знак особого уважения хозяин дома выводил свою жену и детей к гостям («Их непременно надобно поцеловать для приветствия, иначе будет неучтиво», – сообщает польский офицер Маскевич). Жена подносила гостю чарку водки и тут же удалялась в свои покои. Тот же Маскевич отмечал: «Никакой музыки на вечеринках не бывает; над танцами нашими смеются, считая неприличным плясать честному человеку».

По мнению ряда исследователей, одной из причин введения Петром I светских праздников была его уверенность в том, «что ничто более обращения с женщинами не может благоприятнее действовать на развитие нравственных способностей русского народа».

Другая же причина – стремление Петра Алексеевича сблизить все сословия общества, для чего устраивались праздники, маскарады, гулянья. Многочисленные успехи русской армии давали к тому повод. Впоследствии особенно торжественно отмечались четыре победы русского оружия:

27 июня в память Полтавской битвы, 9 августа – взятие Нарвы, 28 сентября – сражение под Лесным, 18 октября – победа под Калишем.

Собственно, балы были введены Петром Великим в 1717 году, после полуторалетнего пребывания за границей (Голландия, Франция).

Указ 1718 года устанавливал правила поведения на неслыханных до этого собраниях мужчин и женщин, названных ассамблеями. Некоторые пункты этого указа гласили:

«Хозяин не обязан ни встречать, ни провожать гостей или по чему-либо для них беспокоиться; но должен иметь, на чем их посадить, чем их подпевать и чем осветить комнаты.

...В ассамблеи могут приходить: чиновные особы, все дворяне, известнейшие купцы, корабельные мастера и канцелярские служители с женами и детьми».

Некоторые пункты этого указа гласили:

«1. В котором доме имеет ассамблея быть, то надлежит письмом или иным знаком объявить людям, куда всякому вольно прийти, как мужскому полу, так и женскому.

2. Ранее 5 или 4 часов не начинается, а далее пополудни не продолжается.

3. Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни потчевать <...>.

4. Часы не определяются, в котором быть, но кто в котором хочет, лишь бы не ранее и не позже положенного времени; также тут быть сколько кто похочет, и отъехать волен,

когда хочет.

5. Во время бытия в ассамблее вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто другому прешкодить или унижать, также церемонии делать вставаньем, провожаньем и прочим, отнюдь да не держат под штрафом великаго орла, но только при приезде и отъезде поклоном почтить должно».

На ассамблеях полагалось присутствовать всем высшим чинам, включая обер-офицеров, а также знатым купцам и приказным, начальным мастеровым людям. Лакеям не разрешалось входить в апартаменты, где веселились приглашенные.

Первая ассамблея состоялась у генерал-адмирала Апраксина, вторая, через день, – у тайного советника Толстого. Ассамблеи повторялись всю зиму по три раза в неделю.

На первых ассамблеях танцы воспринимались собравшимися как повинность, после исполнения которой участники стремились как можно меньше общаться между собой и по окончании фигур расходились в разные стороны. Петр Алексеевич не только указами, но и личным примером стремился заставить дворян принять новый способ общения. Делал это царь с присущими ему упорством и энергией, он посещал почти каждую ассамблею, иногда сам распоряжался танцами, выделявая, по словам камер-юнкера в свите герцога Голштинского Берхгольца, такие «каприоли», которые составили бы честь лучшим европейским балетмейстерам того времени.

Берхгольц в своем дневнике дает описание церемониального танца, которым открывался один из балов этого времени. Так же как в английских танцах, танцующие вставляли в две линии, кавалеры напротив дам. Сначала музыканты играли «род погребального марша», во время которого кавалер и дама первой пары делали реверансы своим соседям и друг другу, потом брались за руки и, выполнив «круг влево» (во время которого кланялись зрителям), возвращались на свое место. Другие пары одна за другой делали то же самое. По окончании этого танца музыканты начинали играть польский. И если в первом танце исполнители часто не попадали в такт музыке, то теперь они танцевали с особым усердием. После польского исполнялись менуэты и англезы. А затем десять или двенадцать пар связывали себя носовыми платками, и каждый из танцующих, по очереди, идя впереди, должен был выдумывать новые фигуры. Дамы особенно любили этот танец. Они выполняли свои фигуры не только в зале, но и в других гостиных, саду и даже на чердаке. При чем музыкант со скрипкой шел в начале процессии.

На свадебных балах прощальный танец исполняли пять пар, маршал с жезлом танцевал впереди, и все следовали за ним. Польский начинался тотчас. Во время этого танца все шаферы держали в руках восковые свечи, с которыми провожали танцующих в спальню невесты.

В отличие от европейских монархов Петр Алексеевич не стремился на ассамблеях погружать своих подданных в ска-

зочный мир. На ассамблеях гостиные – это отнюдь не райские сады. Для русских дворян само присутствие рядом с монархом подобно восхождению на вершину Олимпа. Принадлежность к высшему свету определялась не благородным происхождением, а близостью к императору. В день ассамблеи, примерно в три часа после обеда, в очередной дом, где устраивался праздник, являлся генерал-полицмейстер, генерал-адъютант Петра I А. М. Девиер, обязанный записывать всех приезжающих. Гости собирались постепенно; примерно в шесть часов приезжала царская фамилия. Комнаты, предоставленные хозяином собрания, посвящались каждая особому занятию.

В одной комнате устраивались танцы, в другой – шахматы и шашки (карты на ассамблеях Петра I не подавались), в третьей готовились столы с трубками, табаком и деревянными лучинками, используемыми для закуривания трубок. Если возможности не позволяли хозяину таким образом приготовить несколько гостиных, то столы с трубками, табаком, шахматами и шашками размещались в танцевальном зале, что было крайне неудобно: «В комнате, где дамы и где танцуют, курят табак и играют в шашки, отчего бывают вонь и стукотня, вовсе неуместные при дамах и при музыке».

Собрания начинались около пяти часов. Императрица с супругом, или с герцогом Голштинским, или с А. Д. Меншиковым открывала бал. Каждый мог пригласить великих княжон Анну и Елизавету. Среди кавалеров в танцах отли-

чались; государь, граф Ягужинский, австрийский посланник граф Кинский, министр Голштинский Вассевиц, граф Головкин, молодые князья Трубецкой и Долгорукий. Из дам умением танцевать выделялись: Елизавета Петровна, княжны Черкасская и Кантемир, графиня Головкина и княжна Долгорукая (будущая невеста Петра II).

В зависимости от места проведения бала одна или две пары могли танцевать менуэт, англес или польский – по желанию. «На ассамблеях при Петре Великом большею частию игралась музыка духовая, состоявшая из труб, фагот, гобоев, валторн и при них литавр и тарелок. Хотя высшее общество того времени считало еще неприличным предаваться музыкальным занятиям, а из русских светских дам только княгини Кантемир и Черкасская да графиня Головкина умели играть на фортепиано, тем не менее концерты в Петербурге и в Москве были не редкостью».

Угощение на ассамблеях состояло из чая, кофе, миндального молока, меда и варенья. Мужчинам хозяин предлагал пиво и вино. Лимонад и шоколад считались редкостью и подавались лишь на балах у герцога Голштинского и министра его Бассевица. Хозяин не смел принуждать гостей пить или есть, он лишь оповещал приглашенных о том, что имеет для угощения, и затем предоставлял им полную свободу, то есть каждый «может или танцевать, или курить табак, или играть, или разговаривать, или смотреть на других; равным образом всякий может спросить себе по желанию вина, пива, водки,

чаю, кофе и сейчас получает требуемое».

Не позднее десяти часов вечера гости должны были разъехаться по домам. Не ходить на балы было небезопасно. Как-то раз, как вспоминает Берхгольц, было приказано всем дамам, не явившимся на одно из пиршеств 1721 года, прийти в Сенат и выпить определенную порцию вина и чистой водки. Жена генерала Олсуфьева, пишет Берхгольц, молила императрицу избавить ее от наказания, оправдываясь тем, что уже неделю она не покидает дом, будучи беременна в последнем периоде, и пить ей крайне вредно. «Тогда пошли к государю и просили его избавить на этот раз Олсуфьеву от явки в Сенат. Он отвечал, что не может этого сделать, что другие знатные русские дамы оскорбятся таким предпочтением, оказываемым немке (Олсуфьева была урожденная немка. – *Авт.*). Генеральша так терзалась всю ночь, что наутро разрешилась мертвым младенцем. Исполняя указ 1718 года о пополнении кунсткамеры всеми монстрами и курьезами, она должна была представить ребенка и отдать его на хранение в кунсткамеру».

Общество влияло на личность. Нужно ли говорить, что многие женщины приобретали черты твердости, а зачастую и суровости. Так, при дворе Петра I рассказывали, что один из молодых аристократов, влюбленный в царевну Анну Петровну, признавшись ей в своих чувствах, молил вонзить ему в грудь меч и тем прекратить его страдания. «Дайте мне вашу шпагу, – спокойно отвечала Анна, – я вам покажу, что

дочь государя вашего сумеет наказать безумного, забывшего к ней почтение!» Испуганный молодой человек, вложив в ножны оружие, молил о прощении.

Все празднества того времени делились на летние и зимние. В Санкт-Петербурге, например, зимние устраивались в здании Сената либо в Почтовом дворе на месте Мраморного дворца; летние давались в Летнем саду.

25 июня 1721 года в Летнем саду состоялось торжественное празднование коронации Петра I и 39-го года его царствования. Камер-юнкер Берхгольц, состоявший в свите герцога Голштинского Карла Фридриха, прибывшего в Санкт-Петербург просить руки дочери Петра Великого Анны Петровны, вспоминал, что, войдя в сад, герцог вместе со свитой отправился выразить почтение царской семье и увидел императрицу в богатейшем убранстве, сидящую около прекрасного фонтана. «Взоры паши тотчас обратились на старшую принцессу (Анну) – брюнетку, прекрасную, как ангел. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом. По левую сторону от царицы стояла вторая принцесса (Елизавета), белокурая и очень нежная».

Восхищаясь платьями принцессы, сшитыми из красивой двухцветной материи, без золота и серебра, Берхгольц отмечает, что Елизавета Петровна имела за спиной прекрасно сделанные крылышки; у старшей сестры Анны они были отрезаны, но еще не сняты, а только зашнурованы.

Крылышки символизировали чистоту и невинность, упо-

добляя девочку небесному ангелу. После наступления совершеннолетия крылышки торжественно отрезали, но некоторое время девочка носила крылышки под шнуровкой, как бы в знак того, что ангел спустился на землю. Церемониал отрезания крылышек был весьма торжествен. Вот, например, каким образом он был совершен над Елизаветой Петровной, когда ей исполнилось тринадцать лет: «Император, взяв ее за руку, вывел из покоя императрицы в смежную комнату, где перед тем обедали духовенство, сам государь и все вельможи; здесь поднесли ему ножницы, и он, в присутствии государыни, ея высочества старшей принцессы, его королевского высочества герцога, придворных кавалеров, дам и духовенства, отрезал крылышки, которые принцесса носила до тех пор сзади на платье, передал их бывшей ея гувернантке и объявил, что принцесса вступила в совершеннолетие, нежно поцеловал ее, за что она целовала руки ему и императрице, а всем присутствовавшим подносила сама или приказывала кавалерам подносить по стакану вина».

Этот обряд совершался, по всей видимости, и в частных семьях, но с меньшей официальностью. С этого момента девушка считалась взрослой, ее освобождали от опеки и воспитателей, шили ей дамский гардероб и начинали вывозить на балы, вечера и другие публичные мероприятия.

Праздники того времени часто завершались фейерверками, полными политических аллегорий. Зажигались они летом на специальных баржах, которые стояли на Неве, напро-

тив Летнего сада. Во время празднования Полтавской победы был зажжен такой фейерверк: «На двух столбах сияло по короне; между ними горящий лев; он коснулся одного столба, и он опрокинулся; затем лев перешел к другому столбу, покачнул его так, что и этот готов был упасть, но тогда из горящего орла, который словно парил над ними, вылетела ракета, ударила во льва и зажгла его; он разлетелся в куски и исчез, а наклоненный львом столб с короною поднялся и снова стал прямо».

Аллегорический смысл состоял в том, что русский орел побеждает шведского льва, который потряс короны двух союзников Петра Великого – Польши и Пруссии.

А вот описание другого праздника и фейерверка, завершившего один из праздников 1721 года: «Около девяти часов, когда вынесли все столы, уставленные сластями, вон, начались танцы в той же галерее, где танцевали в день празднования коронации. Царь с царицею, герцог со старшею принцессою и князь Меншиков – с младшею открыли бал немецким танцем. Царь после первого танца удалился к мужчинам. Около двенадцати часов зажгли фейерверк, устроенный перед самой галереей на нескольких для того приготовленных больших баржах. Между прочим горело изображение человека с бороной на голове для защиты от дождя и с русской надписью наверху «Дурное прикрытие», некоторые думали, что это намек на английскую эскадру, высланную для прикрытия Швеции во время опустошительных высадок Петра

на Шведский берег. Покамест горел этот девиз, было пушено множество ракет, водяных шаров и маленьких бомб, или бураков».

Помимо танцевальных ассамблей устраивались прогулки на лодках по Неве.

«Приучаю семейство мое к воде, чтоб не боялись и полюбили море», – говорил Петр Алексеевич. Другой целью подобных праздников, возможно самой главной, было напоминание русским и иностранным гостям, что благодаря деятельности императора Россия побеждает своих противников не только на суше, но и на море.

Так как мостов на Неве еще не было, Петр Алексеевич раздавал всем приглашенным для переправы суда, написав лично инструкцию по управлению ими. Особо приближенным к императору было подарено по яхте.

Впереди флотилии и многочисленных лодок двигалась царская яхта, управляемая Петром I в костюме шкипера. В ней находились императрица, царевны Анна и Елизавета, Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны. Все они в таких случаях одевались подобно женам саардамских корабельщиков: в канифасовые кофточки, красные юбки и небольшие круглые шляпки.

Обыкновенно вся водная процессия двигалась к Екатерингофу, где гостей ожидали великолепная закуска и танцы.

Катания не прекращались и в зимнее время. На Неве расчищался лед, съезжались ботики, поставленные на коньки

или железные полозья, поднимались паруса, и оригинальная флотилия должна была повторять все маневры адмиральского бота, управляемого самим Петром I.

Впоследствии, во второй половине XVIII столетия, богатые вельможи устраивали водные парады в своих усадьбах (к примеру, в Кускове, у графа П. Б. Шереметева). Но если при Петре I знатные особы лично принимали в них участие, то теперь гости располагались на берегу и наблюдали за водными судами, разыгрывавшими перед ними сцены морских баталий.

Предки большинства приглашенных были участниками этих битв, наследники превратились в зрителей. Но это все было впереди. Пока же «безумный и мудрый» XVIII век лишь начинал свой разбег.

На рассвете 1 апреля 1725 года Санкт-Петербург был разбужен набатным боем, извещавшим о пожаре. К счастью для испуганных жителей Северной столицы, тревога оказалась ложной. Это была шутка императрицы Екатерины I, знакомившей горожан с новым праздником – 1 апреля...

Вскоре после смерти Петра I возобновились придворные праздники. Ассамблеи прекратили свое существование, но балы давались довольно часто, причем, по отзывам современников, вид подобных празднеств был значительно облагорожен. До царствования Екатерины Великой существовал такой обычай: хозяин дома, где давался бал, выбирал прекрасную даму, поднося ей букет цветов; затем она отдавала

цветы одному из кавалеров, назначая его хозяином будущего бала. Накануне кавалер посылал этой даме веер, перчатки и цветы, с которыми она приходила на бал.

Елизавета Петровна всегда была украшением балов и других празднеств, даваемых при дворе. «7 мая 1729 года в память восшествия на престол государя (Петра II. – *Авт.*) был большой бал. Царевна, под предлогом нездоровья, не явилась на него, а на другой же день выздоровела».

Не прийти на подобное торжество означало бросить вызов обществу и самому императору. Для Елизаветы Петровны это был рискованный шаг, грозивший поссорить ее с племянником. Отказ от светского праздника мог привести к заточению в монастырь. И кто знает, может, так бы и случилось, если бы 19 января 1730 года император Петр Алексеевич не скончался от оспы.

При императрице Анне Иоанновне придворные праздники отличались особым великолепием и приобрели более европейский вид. Торжества по случаю коронации императрицы поразили современников грандиозной пышностью.

«Вы не можете вообразить, – писал английский посланник, – как великолепен здешний двор с новым царствованием, хотя в казначействе нет ни единого шиллинга. При всеобщем безденежье куртизаны входят в неоплатные долги, чтобы делать великолепные наряды к маскарадам».

Только в январе 1732 года после целого ряда торжеств императорский двор возвратился в Санкт-Петербург. На при-

дворных собраниях снова блистала дочь Петра Великого – Елизавета Петровна. Супруга английского посланника при дворе леди Рондо, подробно описывая внутреннюю аудиенцию китайского посла при дворе Анны Иоанновны, отмечала, что на вопрос императрицы: «Какая дама здесь прелестнее всех?» – китайский посол ответил: «Смотря на небо в звездную ночь, можно ли сказать, которая звезда более блеснит?» Но, видя, что ответ не пришелся по нраву Анне Иоанновне, он поклонился великой княжне Елизавете Петровне и сказал: «Из числа всех этих прелестных дам я почитаю эту прекраснейшею, и если б только у нея не были так велики глаза, то никто бы не мог взглянуть на нее и после жить. Во всякой стране свои понятия о красоте: по нашему вкусу у великой княжны прекраснейшие глаза». Ее величество спросила посла: «Из всего того, что ты здесь видишь, что более всего поражает тебя несходством с обыкновениями твоей страны?» – «Видеть женщину на престоле», – отвечал он. После этого они введены в придворный маскарад, и, когда спросили их, не кажется ли это им странным, они отвечали: «Нет, потому что для нас здесь все маскарад».

Но особо отмечен современниками праздник в честь взятия Данцига, проходивший в Санкт-Петербурге в 1734 году. В этот день Летний сад был наполнен приглашенными уже к часу дня. «Дамы одеты были в накрахмаленные белые газовые платья, вышитыя цветами, но чехлы были всевозможных цветов, кому какой нравился. Волосы были у всех есте-

ственные, только немного постриженнее и завиты в большие локоны и с букетами цветов».

Анна Иоанновна, обойдя присутствующих, пригласила всех к столу. Императорская фамилия обедала в гроте, от которого вдоль всей аллеи тянулись столы, над ними возвышался навес из зеленой шелковой ткани, которую поддерживали колонны, увитые гирляндами из живых цветов. Между колонн с одной стороны находился буфет с золотой и серебряной посудой, с другой – с фарфором. Перед тем как сесть за стол, мужчины получали специальные билеты, и жребий назначал каждой из присутствующих дам кавалера. Обед состоял из двух перемен, по 300 блюд каждая, не считая десерта. В отличие от праздников, устраиваемых в Летнем саду при Петре I, при дворе Анны Иоанновны подавали гостям кофе, чай, прохладительные напитки.

«При Петре I так же, как и в следующие царствования, при дворе сильно пили; не то было при Анне. Она видеть не могла пьяного человека. Одному князю Куракину дозволено было пить вволю; но чтобы вообще не совсем потеряли привычку пить, то 29 января (ст. стиля), день восшествия на престол императрицы, было положено праздновать Бахуса; на этой церемонии каждый гость обязан был выпить по большому кубку венгерского вина, став на одно колено перед его величеством», – вспоминал посланник Манштейн.

После обеда гости разделились на группы: одни отправились гулять по Летнему саду, другие – кататься в золоченых

звездах. С наступлением вечера в саду вспыхнула иллюминация и начался бал, под тем же навесом, где до этого был подан обед. В начале бала к императрице подсади 120 французских офицеров, взятых в плен под Данцигом. «Ваше Величество, – сказал граф де ла Мотт, – умели найти средство победить нас два раза: в первый, когда против желания положили оружие перед храбрыми войсками нашими, и теперь, когда охотно отдаем сердца наши прекрасным нашим победительницам».

Но дамам при дворе Анны Иоанновны помимо умения танцевать и со вкусом одеваться приходилось осваивать занятия не только для них непривычные, но зачастую и небезопасные. Так, зимой 1735 года всякий, кто имел вход ко двору, был обязан принимать участие в катаниях с ледяной горы, построенной из досок и тщательно залитой водой так, чтобы образовался лед значительной толщины.

«Придворные дамы и кавалеры садятся в санки, спускаются с верху горы и несутся с быстротою птицы. Иногда санки случайно сталкиваются с другими, тогда катающиеся опрокидываются, и это всем, как можете представить, доставляет смех». Вид подобного зрелища вызывал у многих, помимо веселья, и страх быть изувеченным от такой забавы. «Я была объята ужасом, – пишет леди Рондо, – когда мне должно было идти на это опасное увеселение, потому что боялась сломать себе шею. Пришед к горе, я стояла несколько времени в надежде, что кто-нибудь сломал бы себе руку и тем остано-

вил бы забаву, но, наконец, дошла очередь и до меня. Кто-то сказал: «Вы еще ни однажды не скатились», и вдруг все мои знакомые явились ко мне со своими услугами. Я едва не умерла, услышав такое предложение, но ея Величество сказала, что «теперь она (то есть – я) не может», и таким образом меня обошли».

Этикет при дворе императрицы был довольно строг. Елизавете Петровне, дочери Петра Великого, прежде чем явиться к Анне Иоанновне, требовалось обратиться с просьбой о приеме. В день своего рождения Елизавета Петровна, приняв у себя во дворце поздравления и подарки, вечером отправлялась на бал к императрице: устроить его у себя она не имела права.

14 июля 1739 года с необычайным великолепием состоялась свадьба племянницы Анны Иоанновны, принцессы Анны Мекленбургской, с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейгским, который жил при дворе с 1733 года. Более года продолжалась работа над экипажами и платьями, предназначенными для этой церемонии.

В августе следующего года у Анны Леопольдовны родился сын, названный Иоанном, который вскоре был объявлен наследником русского престола.

Одним из развлечений при дворе Анны Иоанновны была стрельба дам и кавалеров по мишеням, причем московские аристократы старались не отставать от петербургских. «Скажи-ко, стреляют ли дамы в Москве?» – спрашивала на приеме

ме в 1738 году императрица Н. Шестакову. «Видела я, государыня, князь Алексей Михайлович (вероятно, князь А. М. Черкасский. — *Авт.*) учит княжну стрелять из окна, а поставлена мишень на заборе». — «А птиц стреляет ли?» — «Видела, государыня, посадили голубя близко мишени, и застрелила в крыло, и голубь ходил на кривобок, а в другой раз уже пристрелила». — «А другие дамы стреляют ли?» — «Не могу, матушка, донести, не видывала».

В 1740 году в Санкт-Петербурге между Адмиралтейской крепостью и построенным при императрице Анне Иоанновне новым Зимним дворцом был возведен Ледяной дом, столь знакомый нам по одноименному роману Лажечникова. «Только в этой одной стране можно увидеть такую забаву, какую доставила царица 17 февраля. Один князь Голицын, паж ее величества, подал тому повод, хотел вступить в неравный брак. Дело шло о предании осмеянию подобной свадьбы», — писал посол Франции в России маркиз де ла Шетарди. Ледяной дом казался созданным из единого куска льда, прозрачность и синий цвет которого делали его сравнимым с драгоценным камнем. Сам дом имел дверные и оконные косяки, пилястры, выкрашенные краской, напоминающей своим оттенком зеленый мрамор. Ночью в окнах дома горели свечи, и видны были написанные на потолке картины с забавными сюжетами.

Войдя в дом, вы попадали в вестибюль, по сторонам которого располагались покои. В одном из них стоял стол, на

котором находились зеркало, несколько шандалов со свечами, которые горели по ночам, смазанные нефтью, карманные часы, различная посуда. В другой половине гостиной стояла кровать с подушками и одеялом, две пары туфель, два колпака, табурет, в камине лежали ледяные дрова, которые, будучи политы нефтью, горели. В следующей гостиной был расположен резной поставец, внутри которого находились сделанные из льда и выкрашенные красками стаканы, блюда с едой, рюмки, точеная чайная посуда.

Сооружения, возведенные вокруг дома, поражали воображение современников не менее, чем внутреннее убранство. «Всего удивительнее то, что фасад дома был украшен восемью ледяными пушками на лафетах, и при стрельбе из них они выдерживали заряды в три четверти фунта пороха», – сообщал в Париж маркиз де ла Шетарди. Железное ядро, выпущенное из ледяной пушки с расстояния 60 шагов, насквозь пробило доску толщиной в два дюйма. Рядом с пушками находились два ледяных дельфина, изо рта которых выбрасывался огонь от зажженной нефти, подаваемой с помощью насосов.

Около дома стоял сооруженный из льда в натуральную величину слон, на котором восседал персиянин. Днем из хобота слона бил водяной фонтан, а ночью – огненный (горящая нефть). Внутри слона сидел человек, который с помощью трубы имитировал слоновий крик. С левой стороны дворца построили баню, казавшуюся сделанной из бревен,

баню несколько раз топили и в ней парились. Ледяной дом окружали деревья, листья и ветви которых с сидящими на них птицами также были выполнены из льда.

Ледяной дом был не только замечательным произведением искусства. Всему миру Россия продемонстрировала практическое применение последних достижений науки. Ледяной дом – двойственный символ своего времени. С одной стороны, он как бы утверждает, что воля и разум человека могут многое, даже примирить на время лед и пламень, с другой – это вершина произвола и самодурства правителей-временщиков: бессмысленная жестокость (новобрачные «дурак и дурка», оставленные на ночь в ледяной спальне, замерзли насмерть) в сочетании с бессмысленными же затратами средств, труда и искусства на эфемерную и бесчеловечную затею.

В начале 1740 года Ледяной дом станет свидетелем парадного марша русской армии, 26 января гвардия возвращалась из турецкого похода в Санкт-Петербург. Подобно древним римлянам, входившим после победы в Рим в лавровых венках, штаб- и обер-офицеры русской армии в знак победы над Турцией имели на шляпах кокарды из веток лавра.

Затем последовал прием во дворце императрицы. Произнеся торжественную речь, Анна Иоанновна преподнесла каждому офицеру по бокалу венгерского вина.

Жители Санкт-Петербурга были оповещены о мире двумя герольдами, которые отправились на превосходных лошадях

в различные части города в сопровождении отряда конно-гвардейцев, а также выступавших впереди цимбальщиков и трубачей.

В течение последующих дней для всех походных офицеров были даны во дворце императрицы торжественные обеды и ужины. 30 января Анна Иоанновна принимала при дворе всех вернувшихся из похода унтер-офицеров и капралов, угощать которых было приказано гофмаршалу Шепелеву.

Приемы по случаю заключения мира с Турцией следовали при дворе непрерывно. Во время одного из них, после вручения фельдмаршалам, иностранным министрам, придворным дамам, камергерам, генералам и другим особам выбитых по этому поводу золотых медалей, императрица, подойдя к окну, выходящему на площадь, стала бросать деньги народу, для которого были приготовлены также хлеб и говядина на специальных возвышениях, увенчанных жареными быками. Между упомянутыми сооружениями бил фонтан из вина, стекавшего в специальный бассейн.

Около восьми часов вечера гостей во дворце императрицы стали приглашать к фигурному столу, накрытому в зале для приемов. После того как все заняли полагавшиеся места, Бирон, герцог Курляндский, вывел в зал императрицу, которая прошла вместе с ним вокруг стола, а затем удалилась ужинать в свои покои. «Ужин был долог. После него был сожжен фейерверк, великолепный и совершенно удавшийся. Во время его большая приемная зала была так скоро очище-

на, что можно было начать бал тотчас же по окончании фейерверка. По заведенному обычаю, я открыл бал с принцессою Елизаветою. Царица и принцесса остались там до полуночи. Желания ея величества были так удачно выполнены, что бал продолжался до пяти часов утра», — сообщал в одном из своих писем маркиз де ла Шетарди.

Во время правления Анны Иоанновны русский двор стал одним из самых блестящих в Европе. Постепенно просто безумная роскошь уступала место все большему проявлению вкуса во всех сторонах жизни высшего общества; от манеры одеваться до убранства дворцов. По словам Манштейна, на это понадобились годы, но затем *«все было хорошо устроено»*.

По воспоминаниям современников, высший свет буквально сиял от обилия драгоценностей, украшавших платья, столы, экипажи и даже ливреи лакеев. Императрица была вынуждена даже издать указ, запрещающий ношение золота и серебра на одежде, но разрешавший донашивать вещи, где подобные украшения были уже использованы.

Зимний день 27 февраля 1742 года первопрестольная столица встречала коронационный кортеж дочери Петра Великого Елизаветы. Десятки убранных золотом, парчой, бархатом экипажей двигались через украшенные триумфальные арки по улицам Москвы, на стенах домов пестрели вывешенные из окон персидские и турецкие ковры. Полки с развевающимися знаменами, огромные толпы народа, оглушенные

звоном колоколов всех «сорока сороков» московских церквей, пушечными салютами, беглым ружейным огнем, криками «виват», ржанием лошадей, заворуженно смотрели на движущуюся процессию. В течение двух дней воздух Москвы дрожал от колокольного звона, а по ночам вспыхивала иллюминация на московских домах. Почти два месяца продолжались балы, карнавалы и другие церемониальные торжества. 25 апреля 1742 года наступила кульминация праздника – коронация в Успенском соборе Кремля Елизаветы Петровны. «Царство женщин» на русском престоле продолжалось.

Красоту и грацию Елизаветы Петровны отмечали многие ее современники. Еще в 1728 году испанский герцог де Лириа писал о 18-летней царевне: «Принцесса Елизавета такая красавица, каких я редко видел. У нее удивительный цвет лица, прекрасные глаза, превосходная шея и несравненный стан. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует и ездит верхом без малейшего страха. Она не лишена ума, грациозна и очень кокетлива». Будущая императрица Екатерина Великая, впервые увидевшая Елизавету Петровну, когда последней исполнилось тридцать четыре года, отмечала в своих записках: «Поистине нельзя было тогда видеть первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была очень

красива. Она танцевала в совершенстве и отмечалась особой грацией во всем, что делала, одинаково в мужском (костюме) и женском наряде. Хотелось бы все смотреть, не сводя с нее глаз, и только с сожалением их можно было оторвать от нее, так как не находилось никакого предмета, который бы с ней сравнился».

Еще в ранней юности, при жизни отца, Елизавета Петровна покоряла современников умением танцевать. Добавим к этому, что дочери Петра Великого был присущ отменный вкус в умении одеваться и причесываться: «В обществе она является не иначе как в придворном костюме из редкой и дорогой ткани самого нежного цвета, иногда белой с серебром. Голова ее всегда обременена бриллиантами, а волосы обыкновенно зачесаны назад и собраны наверху, где связаны розовой лентой с длинными развевающимися концами. Она, вероятно, придает этому головному убору значение диадемы, потому что присваивает себе исключительное право его носить. Ни одна женщина в империи не смеет причесываться так, как она».

Нужно ли говорить, что, обладая всеми этими качествами, Елизавета Петровна необычайно любила устраивать балы-маскарады, слава о которых разнеслась по всей Европе.

Елизавета любила праздники страстно! Из Парижа ей прислали описание всех церемоний, празднеств и банкетов, которыми изобиловала свадьба дофина с инфантой Испанской; из Дрездена рисунки, программы, объявления тех тор-

жеств, которыми во время правления роскошного Августа II сопровождалось бракосочетание сына его, царствующего в то время короля Польского.

Все увеселения делились на разные категории, причем каждый раз строго определялось, в каких костюмах должны быть дамы и кавалеры. Так, на «публичные праздники для дворянства», куда допускались купечество и представители других классов общества, дамы должны были являться «в доминах с баутами» и «быть на самых малых фижмах, то есть чтоб обширностью были малые». Строго запрещалось привозить с собою малолетних и употреблять в убранстве хрусталь и мишуру. Дозволялось являться в приличных масках и платьях маскарадных, «токмо кроме пилигримского, арлекинских и не пристойных деревенских». Кроме того, мужчинам строжайше запрещалось иметь при себе оружие.

Особенно популярны были при русском дворе маскарады, которые устраивались два раза в неделю: одни для двора и тех лиц, кого императрица приглашала лично, другие для шести первых классов и «знатного шляхетства».

Каковы бы ни были условия маскарадов, являться на них следовало обязательно. Отказ расценивался как оскорбление августейшей особы или как вызов. При этом условия не всегда приходились по нраву гостям. Так, в 1744 году императрица приказала явиться на маскарад мужчинам без масок в огромных юбках на фижмах и причесанными по последней дамской моде. Дамы, соответственно, облачились в мужские

костюмы. Такие переодевания приносили удовольствие, пожалуй, лишь самой императрице, которая была ослепительно хороша в костюме кавалера. Настроение остальных присутствовавших было далеко не праздничным. «На этих маскарадах мужчины были вообще злы, как собаки, и женщины постоянно рисковали тем, что их опрокинут эти чудовищные колоссы, некоторые очень неловко справлялись со своими громадными фижмами и непрестанно нас задевали, ибо стоило только немного забыться, чтобы очутиться между ними, так как по обыкновению дам тянуло невольно к фижмам».

На одном из таких балов-маскарадов с будущей российской государыней Екатериной произошел весьма курьезный случай. Ее партнер в полонезе камер-юнкер Сиверс, довольно высокого роста, был в фижмах, которые дала ему императрица и от которых он поэтому не имел права отказаться. Во время танца, подавая на повороте руку своей партнерше, Сиверс опрокинул своими фижмами находившуюся сзади графиню Гендрикову, и та, падая, толкнула Екатерину Алексеevну. В результате Екатерина упала прямо под фижмы Сиверса, окончательно запутавшегося в своем длинном платье. Все трое оказались на полу, не имея возможности подняться без посторонней помощи³.

³ В 1742 году К. Е. Сивере был послан в Берлин, чтобы передать Фридриху II орден Святого Андрея Первозванного и одновременно встретиться с принцессой Софией-Фредерикой Ангальт-Цербстской и привести в Петербург ее портрет. В 1744 году Сиверсу было поручено встретить принцессу с матерью в трех верстах от Москвы. Петр Федорович и Екатерина Алексеевна были посаженными отцом

При всем этом на «маскированных балах» церемониал выполнялся весьма строго, что зачастую делало подобные собрания излишне чопорными, а веселость — искусственной. В танцах принимали участие не все приглашенные. Большинство гостей выступали в роли зрителей и в обыкновенных платьях наблюдали за танцующими.

Превратимся и мы в зрителей одного из маскарадов, устроенного во время торжеств по случаю венчания великой княгини Екатерины Алексеевны с герцогом Голштинским, будущим императором Петром III. Маскарад был целиком построен на исполнении четырех кадрилией. Это означает, что четыре группы танцующих, по двенадцать пар каждая, в разноцветных домино исполняли танец в той части зала, которая была заранее отведена для каждой группы. Кадрили не могут смешиваться, о чем танцоров предупреждали при входе в зал. Каждая кадрилией отличалась от других цветом балльных туалетов — тоже определенным заранее. Первую группу танцующих пар возглавлял великий князь Петр Федорович; домино этой группы розового и серебряного цветов. Вторую кадрилией открывала великая княгиня Екатерина Алексеевна с маршалом Ласси; их цвета — белый и золотой. Во главе третьей группы танцующих шествовала мать великой княгини Голштин-Готторпская принцесса Иоганна-Елизавета в бледно-голубом с серебром (цвета ее кадрили). Наконец, четвер-

и матерью на свадьбе Сиверса, впоследствии ставшего камергером и гофмаршалом.

тая кадрили – дяди Екатерины Алексеевны, принца епископа Любекского, – в желтом с серебром.

При императрице Елизавете Петровне раз в неделю великий князь Петр Федорович устраивал у себя в кабинете концерт. Праздник организовывала его супруга великая княгиня Екатерина Алексеевна. В один из таких приемов архитектор Антонио Ринальди выстроил большую колесницу, на которой могли поместиться шестьдесят музыкантов и певцов. В разгар праздника гости увидели, как по ярко иллюминированной аллее к ним приближается «подвижной оркестр, который везли штук двадцать быков, убранных гирляндами, и окружали столько танцоров и танцовщиц, сколько я могла найти <...>. Когда колесница остановилась, то игрою случая луна очутилась как раз над колесницей, что произвело восхитительный эффект и что очень удивило все общество». По отзывам современников, гости были в восхищении от этого бала, длившегося до шести часов утра.

Балы и маскарады поражали даже законодателей подобных празднеств – французов, считавших, что превзойти балы в Версале невозможно. Секретарь французского посольства де ла Месселиер сообщал в своих посланиях на родину: «Красота и богатство апартаментов невольно поразили и нас; но удивление вскоре уступило место приятнейшему ощущению при виде более четырехсот дам, наполнявших оные. Они были почти все красавицы в богатейших костюмах, осыпанных бриллиантами. Но нас ожидало еще одно зрелище:

все шторы были разом спущены, и дневной свет внезапно был заменен блеском 1200 свечей, которые отражались со всех сторон в многочисленных зеркалах. Загремел оркестр, состоявший из восьмидесяти музыкантов. Великий князь с великою княгинею подал пример танцам. Вдруг слышали мы глухой шум, напоминавший нечто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежь, и мы увидели великолепный трон, с которого сошла императрица, окруженная своими царедворцами, и вошла в большую залу. Воцарилась всеобщая тишина. Государыня поклонилась троекратно. Дамы и кавалеры окружили нас, говоря с нами по-французски, как говорят в Париже».

Описываемый графом де ла Месселиером бал, который давала императрица в Петров день, 29 июня 1757 года, имел особое значение в истории российско-французских отношений того времени. В 1756 году маркиз Лопиталь был назначен послом Франции в Петербург, но его выезд отложили из-за покушения 4 января 1757 года на жизнь Людовика XV. Только по выздоровлении короля посольство отправилось в путь. Граф де ла Месселиер находился при новом после, свита которого именно на этом балу была представлена Елизавете Петровне; после этого французские гости были приглашены к участию в танцах, с разрешением танцевать с любой из присутствующих дам. «Зала была огромная, и зараз танцевали до двадцати менуэтов, что производило довольно странную, но в то же время приятную для глаз картину. Контра-

данцев вообще танцевали мало, всего несколько польских и англезов».

В первом часу пополудни обер-гофмейстер объявил императрице, что ужин готов. К столу были приглашены особы только первых четырех классов; о своем месте за столом приглашенные узнавали после получения на балу специального билетика, так что случай решал, какой кавалер окажется рядом с той или иной дамой. (Всего на этом ужине за столом находились 66 кавалеров и 42 дамы.)

Итак, приглашенные к ужину перешли в большой, роскошно убранный зал, освещенный 900 свечами. Посредине стоял фигурный стол, ломившийся от самых разнообразных яств, причем прислуживали гостям французские, русские, немецкие и итальянские официанты. Во время банкета с хоров разносилась итальянская инструментальная и вокальная музыка. За этим ужином были нововведения, состоявшие в том, что «после горячего кушанья кондитерами поданы на весь стол, сверх поставленных на столы конфет к филею, разные конфеты, мороженое и фрукты, чего для по весь стол приборы переменены и поданы другие на фарфоровых тарелках, равно как десерт становится».

Причем, как особо отмечает граф де ла Месселиер, императрица собственноручно приготовила молоко с клубникой и «послала его особенно де Лопиталю. Великий Князь пил за наше здоровье, называя каждого поименно: милость, которой он до тех пор никому не оказывал». Праздник продол-

жался до трех часов ночи.

Надо заметить, что английский посол и его приверженцы отсутствовали на этом балу. Сказался больным и канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. В этот день его функции выполнял вице-канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов. Пройдет некоторое время – и уже не на балу, а в государственной жизни Российской империи граф Воронцов займет место графа Бестужева-Рюмина.

На балах, маскарадах и других празднествах зачастую решались государственные вопросы. «Елизавета, по-видимому, со вниманием наблюдала из своей царскосельской резиденции за поведением вельмож своего двора относительно нас», – отмечал де ла Месселиер. Прекрасно сознавал это и российский канцлер Бестужев-Рюмин. Он решил устроить на Каменном острове, составлявшем в то время его собственность, великолепный праздник, куда пригласил французского посла, его свиту и весь дипломатический корпус.

В назначенный день богато убранные придворные яхты и гондолы, заполненные приглашенными гостями канцлера, отправились от его дома (находящегося на месте будущего здания Сената) в путь вверх по Неве.

«Праздник был полнейшим во всех отношениях, и мы испытали много удовольствия, находя по время прогулки местами китайские киоски в рощах, бальные залы, карусели и воздушные театры. Все было переполнено веселящимся народом, хорошо одетым, и людьми обоего пола, которых канц-

лер забавлял и угощал на свой счет», – писал Месселиер.

На этом празднике Бестужев уговорил французского посла принять золотую табакерку, которая среди окружения Лопиталя получила название «политика».

«По счастью, – с иронией отмечал Месселиер, – на обратном пути мы находились на одной яхте с канцлером, потому что Нева очень глубока, а злоба очень сильна».

Таким образом, балы, маскарады того времени превращались в своеобразные арены сражений государственных мужей за степень влияния на ход внутренней и внешней политики России, а реальные боевые действия чередовались с роскошными праздниками. Военная кампания лета 1758 года была для России, по словам автора замечательных записок о своем времени А. Болотова, «весьма бедственная и такая, какой она еще никогда не имела и которая ей долго будет памятна».

А. Т. Болотов, впоследствии один из выдающихся агрономов XVIII столетия, известный писатель своего времени, находился в 1758 году в Кёнигсберге, где умело сочетал воинскую службу с обучением танцам, в которых, по его словам, так «наторел и наблошнился, что мне все танцуемые тогда в Кёнигсберге разноманерные танцы сделались очень знакомы, и я все их мог танцевать без нужды и безошибочно: а сие с столь малым трудом приобретенное новое искусство и послужило мне тогда очень кстати».

Генерал Корф устраивал в Кёнигсберге великолепные пи-

ры, завершавшиеся многочисленными балами, устраиваемыми почти каждую неделю. Продолжались они большую часть ночи.

Жизнь Кёнигсберга, казалось, была наполнена увеселениями до предела, «но и сего всего было еще не довольно; генерал наш, для усовершенства наших веселостей и для придания пышной и великолепной своей жизни более блеска, вскоре потом завел у себя и маскарады».

Начались они в покоях губернатора, но вскоре весь город был охвачен маскарадной лихорадкой, разнеслась даже молва, что генерал намерен давать в оперном театре большие всенародные маскарады. Казалось, каждый житель Кёнигсберга был занят созданием оригинального костюма для этого праздника.

На самом маскараде гости не могли оторвать взоров от так называемых «арапских невольничих» костюмов Орлова и Зиновьева. Они были сшиты из черного бархата и опоясаны розовыми тафтяными поясами. Чалмы были украшены бусами. Одинаково одетые, Орлов и Зиновьев были скованы цепями из жести. «Поелику оба они были высокого и ровного роста и оба имели прекрасную талию, то нельзя изобразить, сколь хороший вид они собой представляли и как обратили всех зрение на себя», – отмечал Болотов.

«Каких масок, каких удивительных зрелищ не было на оном! – восхищался очевидец. – Были тут не только так называемые кадрили; были не только маски, изображающие

разные дикие и европейские старинные и новые народы, были не только маски, изображающие разных художников и мастеров, например мельников, трубочистов, кузнецов и других тому подобных, но долженствовали и самые бездушные вещи, как, например, шкафы, пирамиды и прочие тому подобные, принимать на себя одушевленные виды и ходить между людьми».

Этот великолепный праздник продолжался почти всю ночь, лишь под утро уставшие от танцев гости разъехались по домам. Но не только благодаря удивительным и необычным костюмам сохранились в памяти Болотова и его друзей кёнигсбергские маскарады. Не менее запомнилось прорицание молодому Орлову, явившемуся на один из маскарадов в костюме древнеримского сенатора. Это платье столь хорошо сидело на молодом человеке, что друзья, любуясь им, оговаривали: «Только бы и быть тебе, братец, боярином и господином, никакое платье так тебе не пристало, как сие». «Таким образом говорили мы ему, – пишет Болотов, – не зная, что с ним действительно сие... случится и что мы ему сие предсказали».

Через несколько лет Орлов сыграет важную роль в очередном дворцовом перевороте, а Екатерина назовет его в письме Фридриху II героем, «подобным древним римлянам лучших времен республики». Удивительное было время: персонажи сказочных праздников воплощали судьбы своих масок в реальной жизни.

Но все это впереди, а пока в Санкт-Петербурге продолжают балы и маскарады, на которых великая княгиня Екатерина Алексеевна старается не уступить императрице, танцующей превосходно и особенно отличающейся в русском менуэте. Недаром известный балетмейстер своего времени Ланде говорил, что «нигде не танцевали менуэта лучше, чем в России».

Дочь Петра Великого Елизавета Петровна, еще будучи великой княжной, считалась одной из элегантных женщин своего времени. Став императрицей, она первой задавала тон щегольству. Платья Елизаветы Петровны, каждое из которых не повторялось дважды, были образцом для подражания, своеобразным эталоном моды своего времени. «Никто не смел одеваться и причесываться, как государыня. Елизавета Петровна имела особое попечение о туалете своих придворных; так, в 1748 году Е. И. В. изволила указом объявить, чтобы дамы волосы убирали по-прежнему; задние от затылка не поднимали вверх, а ежели когда надлежит быть в робах, тогда дамы имеют задние от затылка волосы подгибать кверху».

Ни в коей мере нельзя думать, что подобные указы каким-то образом могли сковать фантазии петербургских дам, умалить их желания быть блистательными на придворных праздниках. Известный ювелир Позье вспоминал, что «придворные дамы немало поспособствовали блеску этих собраний, обладая в высокой степени искусством одеваться к ли-

цу, сверх того они умеют до невозможности поддерживать свою красоту». Далее Позье продолжает: «Наряды дам очень богаты, равно как и золотые вещи их; бриллиантов придворные дамы надевают изумительное множество. На дамах, сравнительно низшего звания, бывает бриллиантов на 10–12 тысяч рублей.

Они даже в частной жизни никогда не выезжают, не увешанные драгоценными уборами, и я не думаю, чтобы из всех европейских государынь была хоть одна, имевшая более драгоценных уборов, чем русская императрица».

Чтобы заслужить доверие императрицы, великая княгиня Екатерина Алексеевна старалась одеваться на придворных балах как можно проще, «<...> и в этом немало угождала императрице, которая не очень-то любила, чтобы на этих [публичных] балах появлялись в слишком нарядных туалетах. Однако, когда дамам было приказано являться в мужских платьях, я являлась в роскошных платьях, расшитым по всем швам, или в платьях очень изысканного вкуса <...>», – вспоминала Екатерина II.

Иностранцы, приезжавшие в Россию, строили дворцы, преисполненные внешнего блеска, с интерьерами Шедаля, Меблена, Минетти, Браунштейна, гармонировали костюмы нового покроя, украшенные позолотой и отороченные кружевами.

В распространении моды большую роль играла портретная живопись. Выдающиеся французские живописцы Риго,

Ларжильер в своих портретах с точной детализацией передавали пышный, богатый костюм знати XVII столетия.

В таких произведениях, как «Портрет Людовика XIV» Риго, «Портрет Элизабет Богарне» Ларжильера, в эффектных позах канонизированного парадного портрета представлены блестящие костюмы барокко.

Эстетический идеал и костюм XVIII века отражены в портретной живописи целого ряда замечательных русских художников: А. П. Антропова, И. П. Аргунова, Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского. Они показывают, как одевались аристократы, сколь изысканны были туалеты придворных. На известном портрете В. Л. Боровиковского князь Куракин изображен на фоне пышной дворцовой обстановки в ослепительно-ярком парадном костюме. Облегающий фрак и кюлоты из золотистой парчи, богатая вышивка камзола, дорогое кружево манжет делают костюм «бриллиантового князя» необычайно нарядным.

Своего рода пропагандистом новой моды «на античный манер» в Петербурге была известная французская портретистка Элизабет Виже-Лебрэн, жившая в России с 1795 по 1801 год. Великая княгиня Елизавета Алексеевна заказала платье у нее и в сшитом по рисунку Виже-Лебрэн костюме отправилась на бал. Когда Елизавета Алексеевна подошла к императрице, чтобы поцеловать ей руку, Екатерина Великая молча ее оглядела и не дала царственной руки. «На другой день императрица сказала графу Салтыкову, что была очень

недовольна туалетом великой княгини, и потом два-три дня относилась к ней холодно», – вспоминала В. Н. Головина.

Попытка регламентации женского парадного придворного костюма и придания ему черт национального характера делались еще во времена Екатерины Великой. Согласно воспоминаниям современников, на придворных балах дамам полагалось быть в «<...> русских платьях, то есть особливо-го покроя парадных платьях <...>». При этом сама императрица в конце царствования «<...> носила широкие платья с пышными рукавами, напоминавшими старинный русский наряд», – вспоминал граф Сегюр.

В 1791 году журнал «Магазин английских, французских и немецких новых мод» сообщал, что «для балов в торжественные дни и для выездов в знатные и почтенные дома» носят дамы: русские платья из обьярей, двойных тафт и из разных как английских, так и французских материй, шитые шелками или каменьями, с юбками одинаковой материи или другого цвету; рукава бывают одинакового цвета с юбкою; пояса носят по корсету, шитые шелками или каменьями по приличию платья; на шее носят околки или род косынок на вздержке или со складками из блонд или из кружева, на грудь надевают закладку или рубашечку из итальянского или из простого флеру на вздержке, а ко вздержке пришиваются блонды или кружева».

На маскарадах Екатерины Алексеевны веселились представители различных сословий. Каждый желающий мог по-

лучить билет в придворной конторе, причем, хотя для купечества и отводился отдельный зал, никому не запрещалось переходить из одной гостиной в другую и принимать совместное участие в танцах. На всех приглашенных должны были быть маскарадные костюмы, маски – по желанию.

На Новый год и до Великого поста устраивалось несколько придворных маскарадов, не уступавших в своем великолепии подобным празднествам времен Елизаветы Петровны. Чтобы убедиться в этом, отправимся вслед за приглашенными на так называемый «всесословный маскарад при дворе».

«Двадцать роскошно иллюминированных комнат дворца были открыты для публики. Посредине одной из зал, в которой обыкновенно давались придворные балы, устроено место для танцев особ высшего полета, огороженное низкой решеткой. Другая изящно убранная зала овальной формы, называемая «большой зал Аполлона», отведена для танцев лиц, не имеющих доступа ко двору, мещан и т. п. Остальные комнаты – где подавался чай и разные прохладительные – были заняты карточными столами. Все переполнилось громадной толпой, которая постоянно двигалась взад и вперед. Гостям предоставлено было на выбор – оставаться в масках или снять их. Представители дворянства явились в домино, лица низшего сословия в русских национальных костюмах, несколько приукрашенных. Это была как бы выставка одежд, носимых в данное время обитателями Российской империи, что представляло такое разнообразие пестрых фигур, какого

не создала самая причудливая фантазия в маскарадах других стран. Многие купчихи были украшены дорогим жемчугом, расколотым для большего эффекта на половинки».

Примерно около семи часов вечера в зале появилась императрица в сопровождении восьми дам и восьми кавалеров, составлявших «кадриль Екатерины Алексеевны». Екатерина шествовала впереди, опираясь на руку Разумовского. Императрица и сопровождавшие ее дамы были в пышных греческих костюмах, а кавалеры – в роскошных римских одеяниях с шлемами, щедро усыпанными алмазами. Взоры присутствующих были прикованы к герцогине Курляндской, графине Брюс и княгине Репниной; среди кавалеров выделялись Иван Чернышев и Потемкин. Императрица, обойдя несколько комнат и зал Аполлона, села играть в карты. Часть публики последовала за ней, разместившись на почтительном расстоянии от карточного стола. Около одиннадцати часов вечера императрица, как обычно, удалилась с маскарада, окончившегося после полуночи. Зачастую Екатерина Алексеевна просила принести ей записку с именами первого приехавшего и последнего покинувшего маскарад, то есть особо любящих повеселиться. Умение сочетать приятное с полезным высоко ценилось в то время, и некоторые празднества использовались для обличения распространенных пороков общества. Перед началом публичного маскарада, состоявшегося в декабре 1764 года, гости могли наблюдать несколько специально разыгранных картин следующего содержания:

«1. Шестнадцать человек петиметров: у каждого в руке по маленькому зеркалу, в которое он беспрестанно смотрится и сам собою любит; в другой руке бутылка с лоделаваном, которым он себя опрыскивает. За ним едет коляска, в которой петиметр сидя убирается и с парикмахером своим советуется, как бы к лицу убрать; перед ним и позади него лакеи держат зеркала.

2. Везут комнату, в которой сидит доктор. Около его шестеро больных, для которых он пишет рецепты. Позади везут аптеку, в которую он посылает слугу своего за лекарствами, и сам, выходя на крыльцо, всех уверяет, что хотя больные и перемрут, однако перемрут по самым точным правилам медицины. Воскликает ежеминутно: «Нет, нет лучше науки и важнее, как медицина!»

3. Везут комнату, в которой за столом сидят комедианты, ужинают с знатными господами и поют песни. Господа обходятся с ними запанибрата и разговаривают о любви.

4. Идут четыре человека педантов; рассуждают об науках, все неправильно и некстати, и сердятся на новых философов, которые разуму последуют.

5. Едут в комнате картежники, играют в карты, с распухшими лицами, которые показывают, что они ночей пять уже не спали; от проигрыша бесятся.

6. Идут шестеро скупых и едят сухой хлеб; за собой несут сундуки и оглядываются беспрестанно, чтобы не унес их кто; заглядывают в них и любят деньги».

Получив таким образом необходимые нравоучения, приглашенные могли начинать веселиться.

Императрица **Екатерина Великая** особенно любила маскарады. Кроме больших балов и приемов, в Эрмитаже маскарады давались при дворе каждую пятницу в особых залах для дворянства (в галерее) и для купечества. На этих балах собирались нередко около пятисот масок.

Роскошь эрмитажных праздников, по словам современников, напоминала нередко волшебные сказки. На знаменитом празднике «Азора, африканского дворянина», данном императрицей в честь рождения первого внука, в залах дворца были изображены громадные вензеля, буква «А» (Александр) из настоящих бриллиантов и жемчугов.

Не следует полагать, что маскарады были настолько популярны в высшем обществе, что вытеснили другие празднества, в том числе и балы. При дворе бал устраивался каждое воскресенье. Интересным представляется замечание Л. Энгельгардта о том, что императрица следовала на празднество в таком же сопровождении, как и в церковь. Перед входом в зал Екатерине Алексеевне представлялись и целовали руку дамы. Бал открывался менуэтом: великий князь с великой княгиней, за ними – придворные и офицеры гвардии в званиях не ниже полковника. Наиболее распространенными танцами были «польские» и контрадансы. «Дамы должны были быть в русских платьях, то есть особого покроя парадных платьях, а для уменьшения роскоши был род женских мун-

дилов по цветам, назначенным для губерний. Кавалеры все должны были быть в башмаках. Все дворянство имело право быть на оных балах, не исключая унтер-офицеров гвардии, только в дворянских мундирах».

Императрица садилась играть в карты с заранее выбранными партнерами, которых приглашали камер-пажи. Великий князь тоже играл, но за отдельным столом. Примерно через два часа музыка затихала. Государыня откланивалась и покидала бал, а после нее спешили разъехаться все приглашенные.

Великий князь Павел Петрович давал балы по понедельникам в Петербурге, а по субботам – на Каменном острове. Придворный лакей развозил личные приглашения великого князя. Помимо этого, каждый полк гвардии отправлял на праздник по два офицера.

Несмотря на все великолепие балов императорского двора, праздники вельмож того времени зачастую не уступали последним. Причем не только балы, но и семейные вечера отличались роскошью и торжественностью. «Образ жизни вельмож был гостеприимный, по мере богатства и звания занимаемого; почти у всех были обеденные столы для их знакомых и подчиненных; люди праздные, ведущие холостую жизнь, затруднялись только избранием, у кого обедать или проводить с приятностью вечер».

Апогея своего блеска достиг российский двор при Екатерине II. Роскошь, царившая при дворе, служила заразитель-

ным примером для столичного общества. Все высшее общество увлекалось театром, и молодежь охотно устраивала домашние спектакли. Образовывались целые группы великосветских любителей; известны театры княгини Долгоруковой, графини Головинной, в доме Апраксиных.

С постройкой здания Благородного собрания Москва прославится своими балами по всей России. Каждый год накануне Рождества помещики соседних с Московской губерний со своими семействами отправлялись из деревень в Москву в сопровождении длинных обозов с поросятами, гусями, курами, крупую, мукою и маслом. Замоскворечье гостеприимно встречало долгожданных хозяев непринужденно убранных, заросших садами домов, владельцы которых не стремились к тесному общению с соседями, если не принадлежали к одной губернии. По четвергам все соединялись в большом кругу Благородного собрания: «Тут увидят они статс-дам с портретами, фрейлин с вензелями, а сколько лент, сколько крестов, сколько богатых одежд и алмазов. Есть про что девять месяцев рассказывать в уезде! И все это с удивлением, без зависти: недостигаемую для них высотой знати они любовались, как путешественник блестящей вершиной Эльбруса». Московские праздники 1787 года, когда Россия отмечала двадцатипятилетие восшествия императрицы на престол, надолго остались в памяти современников. Бал в собрании превзошел все ожидания. Вот воспоминания Е. П. Яньковой: «Бал был самый блестящий и такой

парадный, каких в теперешнее время и быть не может: дамы и девицы все в платьях или золотых и серебряных, или шитых золотом, серебром, камней на всех премножество; и мужчины тоже в шитых кафтанах с кружевами, с камнями. Пускали в собрание по билетам самое лучшее общество; но было много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.